

Новогодняя комедия

Алиса Лунина

Просто была
зима...

Новогодняя комедия

Алиса Лунина

Просто была зима...

«Алиса Лунина»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лунина А.

Просто была зима... / А. Лунина — «Алиса Лунина»,
2017 — (Новогодняя комедия)

ISBN 978-5-04-090019-0

Однажды маленькая Оля сказала Деду Морозу, что хочет вырасти красавицей и стать известной актрисой. Ее желание исполнилось, однако почему-то не принесло девушке счастья. В то же время Олина сестра-близняшка Таня, обычная преподавательница французского, тоже несчастлива в своей обыденной серой, как ей кажется, жизни. И Ольга внезапно решает обменяться с Татьяной судьбами ровно на месяц – как раз до Нового года. Сказано – сделано! Тут уж сюрпризы посыпались на сестер, как из мешка Деда Мороза – подарки.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090019-0

© Лунина А., 2017
© Алиса Лунина, 2017

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Алиса Лунина

Просто была зима...

Пролог

Приморск. 1986 год

В маленьком южном городке Приморске, где даже в декабре снег был явлением сродни настоящему чуду, Новый год любили так же, как и во всех других уголках страны. Его предвкушали, к нему готовились, и особенно его ждали дети.

Узнав, что в конце декабря они пойдут на новогоднее представление во Дворец культуры, где будут хороводы вокруг наряженной елки, подарки и самый настоящий Дед Мороз, сестры Литвиновы – пятилетняя Таня и четырехлетняя Оля засияли от радости. Обе любили Новый год, и возможно, что любовь к этому празднику была единственным объединяющим Таню и Олю обстоятельством, потому что вообще-то они оказались разными. Вот просто абсолютно. Как лед и пламя, север и юг, ну и так далее. И реакция на слова мамы, сказавшей, что к новому году представлению надо бы подготовиться – выучить стихотворение для Деда Мороза и придумать специальный карнавальный костюм, была у сестер разной. Старшая сестра Таня, как хорошая, воспитанная девочка, приняла слова мамы как руководство к действию – она разучила большое стихотворение (на размере Таня не схитрила – по объему так вышла целая поэма) и за несколько дней, под руководством бабушки, сшила костюм зайца. А младшая – Оля, глядя на старшую сестру, решила все сделать наперекор Тане. «Таня разучила стихотворение? Тогда я ничего учить не стану! Таня будет на елке зайцем? Тогда я стану маленькой разбойницей как в сказке Андерсена! Таня – хорошая девочка? Тогда я всегда буду плохой девочкой!» Но вот только идею прийти на елку в костюме маленькой разбойницы мама почему-то отвергла, и в итоге Олю нарядили «снежинкой».

...Во дворце, увидев самого вразумительного Деда Мороза – в тулупе и с бородой, заяц Таня и снежинка Оля заволновались.

Дед Мороз со Снегурочкой зажигали гирлянды на елочке, пели с детьми песни, а потом наконец настало самое интересное – к Деду Морозу можно было подойти и, рассказав ему специальный новогодний стишок, получить от него подарок.

Оля в марлевым костюме «снежинки» угрюмо наблюдала за очередью выстроившихся к Деду Морозу девочек в таких же, как у нее, марлевых костюмах. Таких «снежинок», как она, было здесь как в огромном сугробе, и, чтобы как-то отличаться от прочих (а Оле страстно хотелось отличаться от всех – всегда и везде!), она быстренько, пока мама не видела, поотрывала снежинки из фольги на своем платье, и самую большую прилепила себе на лоб жвачкой, – типа она не какая-нибудь обыкновенная снежинка, а Снежная королева – королева снежинок! Когда очередь дошла до ее сестры и заяц Таня принялась старательно рассказывать Деду Морозу свой стишок размером с поэму, Оля пригорюнилась – а что же она расскажет, когда спросят ее? Может, зря она не стала учить стихотворение?

– Здравствуй, снежинка! – обратился Дед Мороз к Оле, когда очередь дошла до нее.

– Я – королева всех снежинок, – уточнила свой статус Оля и, послушав жвачку, поправила отлепившуюся фольгу.

Дед Мороз с уважением кивнул и посадил «королеву» к себе на колени. Оля украдкой коснулась рукой его бороды – настоящая-нет? Дед Мороз попросил девочку прочитать ее любимое новогоднее стихотворение. Оля тяжело вздохнула, стараясь не смотреть в ту сторону, где стояла довольная, улыбающаяся Таня в дурацком заячьем костюме.

– Ты не знаешь ни одного стихотворения про Новый год? – удивилась Снегурочка, когда пауза слишком затянулась. – Может быть, расскажешь что-нибудь про зиму или снег?

Сбоку от Оли закачались длинные заячьи уши, и тут же раздался Танин писклявый голо-сок:

– Оля стихов вовсе не знает!

Оля вскинулась и приняла вызов: как это она не знает ни одного новогоднего стихотворения?! Да она придумает его прямо сейчас! В следующую минуту Оля забормотала Деду Морозу в ухо собственные, только что придуманные стихи. И ничего, что они состояли всего из одной фразы, зато произносила она их с необычайной экспрессией: «Если на улице снег – иди домой! Если на улице снег – иди домой! Если на улице...» Оля склоняла эту фразу на все лады, демонстрируя недюжинные актерские способности (много позже Оля поймет, что ее стихи были похожи на рэп, и она читала их, как заправский рэпер). Главное, как понимала девочка, не останавливаться, чтобы не дать Деду Морозу опомниться. Спустя пять минут Олиных завываний ему в ухо о том, что надо делать, если на улице идет снег, Дед Мороз судорожно взмахнул посохом и сказал, что Оля – большая, очень большая молодец! Ну, просто страсть, какая молодец! И поспешил спустить ее с колен.

– Дед Мороз, а ты выполнишь мое желание? – поинтересовалась Оля, приободренная дедовской похвалой, и, не дожидаясь ответа, затараторила: – Пожалуйста, сделай так, чтобы я была самой красивой! А еще, чтобы я, когда вырасту, стала знаменитой актрисой!

Дед Мороз не успел ничего ответить, потому что к нему вдруг метнулась другая девочка – в заячьем костюме и заканючила, глядя на «королеву снежинок»:

– Но это моя мечта! Это я хочу быть знаменитой актрисой!

Оля вспыхнула:

– Нет, моя! – и попыталась оттолкнуть сестру. Таня пихнула ее в ответ.

– Девочки, не ссорьтесь! – крикнула мама, но было уже поздно.

Оля схватила Таню за заячье ухо на ее белом комбинезоне, дернула его что есть силы и оторвала. Все дети засмеялись, а одноухий заяц Таня заплакала.

– Дети, перестаньте, – примиряюще сказал сестрам Дед Мороз, – моего волшебства хватит на всех. Обещаю сделать так, что у вас обоих сбудутся желания.

– И я стану знаменитой актрисой? – возликовала Оля.

Дед Мороз улыбнулся, порылся в своем необъятном мешке и вручил девочке леденцового петушка на палочке. Точно такого же он протянул рыдающей Тане. Оля развернула обертку от леденца и уточнила у Деда Мороза, точно ли он исполнит обещание. Дед Мороз кивнул.

– Ну, смотри, не соври! – потребовала Оля, глядя в льдистые, голубые-голубые, глаза Деда Мороза.

Прошло тридцать лет

Часть первая

Глава 1

Приморск. Наше время

– Я неудачница! – вздохнула Татьяна. – Надо набраться смелости и честно себе в этом признаться. Да, неудачница – тем не стала, это не сбылось, с личной жизнью вообще полный мрак. Дальше можно не перечислять... Главное, непонятно, как это со мной приключилось, ведь в детстве, юности на что-то надеялась, были амбиции, планы, мечты, и вот – пожалуйста!

Татьяна стояла на берегу моря, зябко ежась от сильного ветра. Погода была типичной для начала декабря – прохладно, ветрено; на море начинался шторм. Кроме чем-то недовольных чаек – вокруг никого; можно пожаловаться вслух, можно поплакать, да хоть бы вообще завывать в голос – никто не услышит. Час назад Татьяна простилась со своим мужчиной – любимым, обожаемым Александром; десять лет отношений – сходились, расходились и вот, кажется, разбежались окончательно. Татьяна сейчас чувствовала такую боль, словно у нее оторвало руку или ногу; абсолютная, невыносимая боль и полное непонимание: как ей теперь дальше – без Саши?

А что случилось, почему? Татьяна спросила Сашу, всего лишь спросила его, как они будут встречать Новый год, ну потому что праздник уже через три недели и надо бы подумать... А Саша вдруг с неожиданной злостью сказал, что общего Нового года у них не будет.

– Это как? – не поняла Татьяна.

– А так, – отрезал Саша, – будет у каждого свой. Собственный.

Татьяна заплакала, она не хотела, чтобы у каждого был собственный, она хотела – общий, но Сашу ее желания, похоже, совершенно не волновали.

– Вот только не надо реветь! – взбеленился Саша и признался, что встретил другую девушку.

Другую? Татьяна молчала и смотрела на любимого мужчину, ожидая разъяснений. Однако их не поступило. Саша устало вздохнул.

– В конце концов, мне тоже тяжело! – Помолчав, он добавил с некоторым упреком: – Мне, может быть, даже тяжелее, чем тебе!

После этого Татьяна развернулась и побежала на берег. К морю.

...И вот – ветер, чайки. Боль такая огромная, что до горизонта... Море сердится, гонит волны одну за другой. Татьяне хотелось, чтобы ее смыло сейчас вон той огромной волной, подхватило и унесло. Нет девушки – нет проблемы. Но волна только слегка обрызгала Татьяну и с ревом унеслась обратно в море.

Таня вздохнула и пошла домой.

...Ей хотелось одного: не думать – не чувствовать – перестать быть; лечь в кровать, накрыться одеялом с головой и заснуть, а проснуться уже весной (еще лучше – через год, в идеале – вообще не просыпаться). Но не думать, впрочем, как и не быть, не получалось. В голову как назло лезли назойливые мысли о собственной несостоятельности; словно бы внутри сидел кто-то очень недобрый и молоточком выстукивал ей в висок: тебе уже тридцать пять, в этом возрасте любой уважающий себя человек должен достичь каких-то результатов! А что есть у тебя? Семьи нет, карьеры тоже! Чем ты вообще занимаешься? Сидишь с соседскими детьми в качестве няньки и даешь уроки французского? И это, по-твоему, – удачная карьера?! Когда молоточком по голове стучали особенно больно, Татьяна слабо пыталась оправдаться: но мне нравится то, чем я занимаюсь! Нравится заниматься детьми, преподавать французский, и совсем неважно, что эти занятия не приносят больших денег! Однако же эти оправдания не

помогали, и внутренний голос продолжал неумолимо внушать бедняжке Татьяне, что она – хуже всех на свете и что с ней уже никогда не случится ничего хорошего.

Из этого психологического тупика было рукой подать до депрессии – состояния, в котором ты безнадежно выпадаешь из жизни; но при этом Татьяна жизнь была устроена так, что Таня не могла себе позволить надолго из нее выпасть, иначе говоря, собственная жизнь самой Татьяне не очень-то и принадлежала. У Тани было много дел и обязательств перед другими людьми, и, как человек ответственный и совестливый (а вот она с детства была такая!), она не могла задвинуть эти самые дела и плюнуть на эти самые обязательства. Несколько раз в неделю к ней домой приводили детей дошкольного возраста, и Татьяна играла с ними в развивающие игры, учила их читать, рисовать и устраивала для них театральные кукольные представления. Будучи воспитателем этого импровизированного домашнего детсада, она еще подрабатывала как репетитор и давала уроки французского языка. В общем, погрузиться в депрессию она могла себе позволить только в свободное время (но тут уж самозабвенно!)

...Татьяна читала воспитанникам своей детсадовской группы – четырехлетнему Севе и пятилетним Ксюше с Юрой сказку про муми-троллей. На муми-долл опустилась волшебная зима с долгими снегами, и лютая стужа уже готовилась обрушиться на долину, закружиться белым, яростным вихрем, а до весны еще было, ох как далеко... И было так приятно читать эту с детства любимую сказку притихшим детям в теплой, уютной комнате, под звуки дождя за окном, что Татьяна и сама заслушалась, замечталась.

– А чего это у вас такой больной вид? – вдруг перебил Татьяну розовощекий крепыш Сева.

Таня споткнулась на половине фразы и смутилась:

– Что, в самом деле больной вид?

– Определенно! – доброжелательно подтвердила другая Татьяна воспитанница Ксюша – девочка с огненно-рыжими волосами и неприятной манерой совать нос во все дела.

Татьяна отложила книгу и глянула в зеркальце – ну да, лицо бледное, осунувшееся.

– Наверное, съели что-нибудь не то! – предположил смешливый и подвижный, как ртуть, Юра.

Татьяна улыбнулась – возможно!

– Лечитесь, а то замуж никто не возьмет! – высказался добрый Юра.

Ксюша кивнула рыжей головой – определенно!

«А меня и так никто не берет», – подумала Татьяна.

* * *

Когда десять лет назад Таня впервые увидела Сашу – белокурого, голубоглазого, невыразимо печального, она сразу поняла, что это – то самое великое чувство, о котором слагали стихи и писали книги, ради которого затевали войны и шли на смерть. Любовь пронзила Татьяну, как молния.

С самого начала девушка знала, что ее избранник Саша Баранов – совершенно особенный, исключительный человек. Саша был натурой сложносочиненной, погруженной в свой внутренний мир, он словно бы неумолимо искал свое предназначение, призвание, место в мире. Надо сказать, что не все это понимали. К примеру, Танина мама, поджав губы, говорила: «Ну и долго он так будет метаться, как известно что в проруби?! Смешно даже. Мужу тридцать лет, а он все мечется. И не надо мне говорить про тонкую душевную организацию! Дурь и блажь! Он до старости будет плавать в этой проруби, а ты сиди и жди?! Дура ты, Таня!»

Может, Татьяна и впрямь была дурой, но те Сашины особенности, которые другие люди называли его недостатками, она считала достоинствами. Да, человек ищет себя, не успокаивается, к чему-то стремится, внутреннее беспокойство – признак духовного роста! Поэтому пока

Саша неумоимо развивался и искал – все десять лет их отношений, Татьяна терпеливо ждала и любила его. Причем как-то так сразу вышло, что в их союзе любила Татьяна, а Саша позволял ей себя любить. Девушка утешалась мыслью, что так бывает, со временем ее избранник поймет, как она ему нужна; а потом он ее по-своему любит, просто он такой необыкновенный, что у него все несколько иначе, чем у других.

У Саши действительно все было «несколько иначе», чем у других. Совсем иначе. Он являлся человеком настроения: сегодня он в ладах с миром – легок, лучист, весел, обаятелен (в такие моменты в него невозможно было не влюбиться), а потом что-то менялось – Саша становился хмурым, раздражительным, мелочным, выговаривал Татьяне по пустякам, сердился на весь свет. Причем понять, отчего эти периоды зависят, как и пытаться влиять на них, – не представлялось возможным. Перепады Сашиного настроения были иррациональны, и Татьяна просто научилась их переживать. Иногда девушка отчаивалась и думала закончить эти отношения, забыть Сашу; несколько раз она хотела с ним расстаться, но он неизменно, спустя время, пытался ее вернуть, и Татьяна сдавалась. Они мирились, и их странные отношения растягивались на годы.

Жениться Саша, кстати, не собирался, и не то что на Татьяне, а вообще. В самом начале их знакомства он сказал, что штамп в паспорте – этот пережиток прошлого – прогрессивному человеку не нужен (Таня вздохнула, в глубине души не считая себя столь прогрессивной). Ко всему прочему, Саша был сторонником теории «чайлдфри» и считал, что мы не имеем права приводить детей в этот мир – юдоль скорби и печали, дабы не обрекать их на страдания. (Всякий раз, когда Саша со скорбным видом произносил эту фразу, Татьяна терялась и не могла ему ничего возразить, хотя вообще-то она отнюдь не была с ним согласна, поскольку не считала, что наш мир состоит исключительно из скорби.)

Однажды мама сказала, что Саша выжмет Татьяну, как лимон, и выбросит: «Потому что Саша твой – эгоист, каких свет не видывал! Ты потратила на него свои лучшие годы, а он хотя бы это заметил?» Татьяна не знала – заметил или нет. Однако в глубине души, может быть даже втайне от себя самой, надеялась, что со временем Саша изменится – повзрослеет, остепенится. Она готова была ждать этого целую вечность, но неделю назад он сообщил, что влюбился в другую девушку.

Сева покровительственно похлопал Татьяну по плечу:

– Не расстраивайтесь, и на вас кто-нибудь обязательно женится!

Татьяна опешила, не зная, что сказать.

– Конечно, женится! Вы, между прочим, красивая! – развила тему Ксюша.

Татьяна вздохнула – красавицей она себя не считала, хотя и понимала, что жаловаться на внешность в ее случае являлось бы кокетством: высокая, стройная, черты лица правильные, глаза выразительные (с такой внешностью вполне можно жить и быть счастливой!).

Ксюша поинтересовалась, как Татьяна будет встречать Новый год. Татьяна пожала плечами – не знаю, еще не думала.

– Да вы что? – ахнул Сева. – А пора бы!

– Главное, создать настроение и подобрать правильный костюм, – авторитетно изрекла Ксюша.

Татьяна согласилась – да, это важно (костюм и настроение, что может быть важнее?!), но заметила, что до Нового года еще три недели, можно успеть подготовиться. Сева тут же возразил, что три недели проскачут (он так и сказал – проскачут) и оглянуться не успеешь, а потому надо готовиться к празднику заранее.

– Вот я выбрала для елки костюм зайца! – радостно сияя, сообщила Ксюша. – Здорово?

– Здорово, – улыбнулась Татьяна, – главное, чтобы на елке никто не оторвал тебе ухо.

Вечером, когда дети разошлись, ей стало еще хуже. К прежним грустным мыслям добавились переживания по поводу предстоящего праздника. Увы, ни настроения, ни подходя-

щего костюма, ни планов на новогоднюю ночь у нее не было. Разумеется, можно на праздники поехать к родителям в Краснодар, но ловить на себе их сочувственные взгляды и периодически убегать в ванную, чтобы там тайком поплакать, Тане не хотелось. Конечно, жаль, что все так складывается, ведь Новый год всегда был ее любимым праздником! И даже отсчет взрослой Таниной жизни начался с него...

В тот Новый год ей – пятилетней, и ее четырехлетней сестре Оле родители впервые решили не спать, а провести праздничную ночь вместе со взрослыми. Таня возликовала: вот я и стала взрослой! И честно продержалась вместе со всеми до оливье и боя курантов, а потом – вот беда – заснула прямо за столом. Наутро Оля дразнила сестру, уверяя, что уж сама-то досидела до чая с тортом и легла спать только утром, не то что некоторые! Таниному горю тогда не было предела... Да, сестра любила ее подразнить.

Татьяна взяла пульт от телевизора, защелкала, перебирая каналы, и вдруг замерла. На одном из каналов показывали фильм, вышедший на экраны пару лет назад. Ничего особенного – милая новогодняя комедия, однако Татьяна вздрогнула, словно это был триллер. Первое инстинктивное движение – выключить телевизор, однако же она почему-то продолжала смотреть фильм. Исполнительница главной роли – актриса Ольга Искра – играла хорошо, буквально вживалась в роль; ее героиня получилась яркой, живой, объемной; она, как и положено, вызывала у зрителей сочувствие. И фильм в целом получился симпатичным – с неповторимой новогодней атмосферой, когда все вокруг пронизано ожиданием чуда, и самим чудом, расцветающем в финале, как волшебный цветок.

Глядя на экран, Татьяна не думала о том, что вот эта самая Ольга когда-то отняла у нее имя и судьбу и что их с Ольгой собственная история будет покруче любого фильма. Таня вдруг с удивлением поняла, что впервые за долгие годы думает о сестре без обиды и ставшей привычной горечи.

* * *

Москва. Наше время

До этого декабрьского дня самой Ольге Искре, а особенно окружающим ее людям казалось, что некие небесные силы одарили девушку исключительно щедро, можно сказать, пролили над ее колыбелькой золотой дождь. Судите сами – над Ольгиной внешностью природа поработала с особой тщательностью, наделив барышню стройной фигурой и прекрасными чертами лица (Ольгина красота к тому же была индивидуальной, запоминающейся); помимо ослепительных внешних данных «в зачете» у Оли имелись артистический талант, яркие роли и любовь поклонников. А теперь представьте, что все это досталось одной женщине!

И почему все ей? – наверняка задавалась вопросом какая-нибудь девочка у экрана телевизора, глядя на красавицу – артистку Ольгу Искру.

А потому что мой персональный Дед Мороз постарался! – ответила бы Ольга. «Когда мне было четыре года, я попросила его сделать меня красивой, богатой и знаменитой – и вот пожалуйста – исполнилось». Да, к своим тридцати четырем годам Ольга Искра имела все, о чем она когда-то просила Деда Мороза. Но есть какая-то особенная ирония судьбы в том, чтобы сначала дать, а потом отнять... В нынешнем декабре Ольга еще не знала, что по какой-то неведомой причине ее персональный Дед Мороз в этот Новый год не работает, а значит, ей придется рассчитывать только на свои силы.

Но обо всем по порядку. Хотя как раз порядка в тот день – в начале снежного декабря, и не было. День не задался с самого утра и с ходу пообещал стать сволочным. Неприятности начались со звонка из кинокомпании, в которой Ольга проходила кинопробы на главную роль в эпической, костюмированной драме – экранизации известного классического произведения. Ольге сообщили о том, что на роль ее не утвердили: примите наши извинения...

– Что? – взревела девушка, не привыкшая к тому, чтобы с ней так поступали (скажем прямо, отодвигали в сторону). Тем более дураку-стажеру ясно, что это – ее роль и Ольга, как никто другой, сможет раскрыть трагический образ героини.

– Генеральный продюсер счел, что вы не очень органичны в данном образе, – доверительно сказала помощник режиссера, – он полагает, что роль не совсем ваша...

Ольга даже не стала продолжать диалог: какой смысл разговаривать с человеком, который ничего не решает?! Отсоединившись, она тут же позвонила одному большому кинодеятелю, с которым была знакома и который курировал этот кинопроект, и с ходу попросила объяснить, что происходит и почему ее не утвердили. Последовавшие объяснения лишь укрепили актрису в подозрении, что дело тут нечисто, а когда она узнала, кого именно ей предпочли, все стало ясно. Эта бездарность, фитюлька, вчерашняя школьница будет играть главную героиню?! – вспыхнула Ольга, едва сдерживаясь, чтобы не закричать: да ваша девочка, кроме как ублажать продюсера в постели, ничего не умеет!

Не сдержалась... Все-таки она это сказала – выпалила, выкрикнула.

Голос большого киночиновника мгновенно посуровел, и Ольга поняла, что отныне ей в курируемых им проектах не дадут сыграть даже эпизодической роли. «Да и к черту! Гори оно все синим пламенем! – выдохнула девушка. – Мало ли в стране кинокомпаний, на мой век хватит».

Однако же настроение было испорчено. А тут еще, как назло, позвонил ее личный водитель Володя и сказал, что ему срочно нужно уехать в Подмоскowie: заболел близкий родственник, Ольга Александровна, умоляю, войдите в мое положение! Ладно, Ольга «вошла в положение» Володи и отпустила его на два дня.

В тот день она сама села за руль и поехала в телецентр на съемку. Ольга водила машину давно (у нее не всегда были деньги на личного водителя) и довольно лихо. Правда, сегодня из головы никак не шел разговор с киночиновником и, переживая неудачу с ролью, Оля и не заметила, как под колеса ей кинулся какой-то мальчишка. Ну не видела она его, не видела! Увидеть в принципе было невозможно – настолько быстро все произошло. Пацан будто специально ее дожидался. Ольга заметила его уже в последний миг, ахнула, вдарила по тормозам, и от резкого торможения сильно ушибла голову. Выбежав из машины, она подскочила к мальчишке, закудаhtала: мальчик, мальчик, ты как?

Пострадавший – худой подросток лет четырнадцати в драных джинсах, посмотрел на нее мутным взглядом и пожал плечами:

– Вроде нормально.

Ольга принялась его ощупывать, может, у него болевой шок и на самом деле ему плохо?!

Вокруг них мгновенно образовалась толпа. Даже странно – секунду назад никого не было, и вдруг повыскакивали, словно прятались в кустах. Толпа возмущенно загалдела. Одна женщина сказала, выразительно глядя на Ольгу:

– Разъездились тут! Детей давят!

Под осуждающим взглядом собравшихся Ольга съежилась. Между тем на мальчишке не было ни царапины, и хотя пострадала в аварии, судя по всему, только она сама (после удара голова кружилась, как после долгого катания на карусели), Оля все же хотела удостовериться, что с парнем все в порядке, а потому она повезла его в больницу. По дороге Ольга позвонила своему любовнику Гарику – Игорю Толубееву и сообщила ему о том, что сбила ребенка и что везет его в больницу. Гарик – известный адвокат, невозмутимо сказал, что будет защищать ее в суде. От волнения – да какой суд, я тебя умоляю, не пугай меня! – Ольга едва не выпустила руль из рук и чуть не угодила в новую аварию. В итоге с Гариком они договорились встретиться в больнице.

Там Оля препоручила подростка заботам медицинских работников, попросив произвести «осмотр с пристрастием» («Доктор, пожалуйста, осмотрите мальчика хорошенько, может,

у него скрытые травмы?»), а сама осталась в больничном холле ждать заключения врача, как приговора. Вскоре появился Гарик – Игорь Толубеев: интересный мужчина сорока лет (род деятельности – адвокатура, характер выдержанный, костюм от дорогого портного). Гарик, как профессиональный адвокат, тут же задал Ольге ряд вопросов, касающихся аварии, и в итоге спокойно заключил, что «дело не стоит и выеденного яйца». Надо сказать, что Олю всегда восхищала способность Гарика оставаться невозмутимым в любой ситуации, но сейчас девушка почувствовала раздражение. В этот миг из кабинета вышли врач с мальчиком. Ольга кинулась к доктору: что с пострадавшим?

– С мальчиком все хорошо, – ответил врач и, присмотревшись к Ольге, добавил: – А вот вы мне, барышня, не нравитесь. Вы что-то очень бледная... Давайте-ка я вас осматрю?

Ольга наотрез отказалась от осмотра – все нормально, слегка стукнулась головой, но это не страшно. Когда доктор ушел, она повернулась к мальчишке: что же с тобой делать? Гарик предложил послать своего водителя отвезти парня домой. Однако пацан домой не спешил, подмигнув Ольге, он попросил ее заплатить ему за «моральный ущерб». Актриса не поверила своим ушам – предприимчивый парень, далеко пойдет!

– А по шее не хочешь? – усмехнулся Гарик.

Подросток что-то обиженно забубнил про то, что ему теперь придется лечиться всю оставшуюся жизнь. Ольга молча протянула крупную купюру – на, лечись, – и довольный подросток тут же испарился.

Гарик взял Ольгу под руку.

– Ты плохо выглядишь, детка, бледная, круги под глазами. Поехали куда-нибудь, пообедаете... – предложил он.

* * *

Они сидели за столиком в ресторане. Гарик только что рассказал ей о подарке, который он приготовил. Подарком была их совместная поездка на Ольгин любимый морской курорт: «Летим через неделю, вот авиабилеты». И хотя при иных обстоятельствах Оля обрадовалась бы такому подарку (тем более что она уже давно не была в отпуске), однако в данный момент жест Гарика не произвел на нее впечатления. Она машинально положила билеты в сумочку – да-да, это прекрасно! и погрузилась в свои невеселые мысли. Голова по-прежнему нестерпимо болела (может статься, сотрясение мозга?!), но хуже всего была даже не головная боль, а какое-то гаденькое чувство, вернее, некое предчувствие. Оля думала о том, что в ее жизни началась какая-то «метель из неприятностей» – метет и метет себе всякая гадость! Облом с ролью, пацан под колесами, к чему еще прикажете готовиться?!

И как быстро выяснилось, неприятное предчувствие не обмануло. Вскоре, где-то между горячим и десертом, Ольгин мобильный телефон тренькнул, ей пришло смс-сообщение, в котором некто (назовем его «таинственным доброжелателем») настойчиво советовал ей пройти по указанной ссылке на некий интернет-сайт и посмотреть размещенные на нем фотографии. Разумеется, Оля и не подумала бы открывать какую-то сомнительную ссылку, но «доброжелатель», будь он неладен! предусмотрительно указал в сообщении, что фотографии имеют отношение к ее сердечному другу Игорю Толубееву; а посему Ольга таки любопытствовала и взглянула на предложенные фотографии. Как оказалось, их вполне можно было пришить к следственному делу об измене. Собственно, это оказались не просто фотографии, а прямо-таки «вещественные доказательства» неверности Гарика. Гарик и хорошенькая блондинка – раз, Гарик и хорошенькая блондинка – два, Гарик и... ну на эту пакость даже смотреть не хотелось – этот снимок в стиле «ню» проходил под грифом не то что «восемнадцать плюс», а скажем, «плюс сто». Увиденное произвело на Ольгу изрядное впечатление, ей даже показалось, что она еще раз хорошенько стукнулась головой – во всяком случае, перед глазами опять

все поплыло, и ее затошнило. Девушка перевела взгляд на своего вероломного любовника, в данный момент разговаривавшего по телефону, – да как же так можно, люди добрые?! Для этого мужчины вообще есть что-то святое?!

– Тебе плохо? – поинтересовался Гарик, закончив обсуждать рабочие вопросы.

Ольга кивнула: да уж не сказать, что хорошо. Но сейчас нехорошо будет и еще кое-кому! Она сунула Гарику под нос свой телефон, вещдоки – во весь экран.

– Это что?

На лице Гарика не дрогнул ни один мускул.

– Это деловые переговоры!

– Переговоры? – ахнула Ольга. – Ну я представляю, до чего вы там договорились!

Более всего ее изумила реакция Гарика – каков?! Даже не сморгнул, не заволновался! Это высший пилотаж. А может, ему просто...

– Может, тебе просто на меня наплевать? – подсказала Ольга.

– Нет, не наплевать!

И Гарик не соврал, он действительно по-своему оказался привязан к Ольге, ему льстила связь с известной актрисой, им было хорошо вместе, но тем не менее он хотел оставить за собой право «проводить переговоры» с кем ему угодно и когда угодно.

– А тебе не угодно катиться на все четыре стороны? – рывкнула Оля.

Гарик сморщился:

– Оля, ты просто устала, у тебя травма, ты сейчас не в себе. Зачем эта мелодрама? Не надо драматизировать!

Ну конечно. Не драматизируй, не осложняй, да здравствуют отношения лайт – ни к чему не обязывающие, не обременительные, ноль ответственности и полная свобода...

– Слушай, а на черта мне это надо? – задалась резонным вопросом Ольга.

Гарик пожал плечами: извини, не понял... Он действительно не понимал – какого рожна ей нужно? Серьезных отношений, замужества, может, еще скажите, детей?! Ну, уж это бросьте! Уж он-то ее знает!

«А вот и не знаешь», – усмехнулась Ольга, и в следующую минуту – рвать так рвать! – решила на самые радикальные действия:

– Значит, так, мне больше не звони-не пиши-не подавай никаких сигналов в космос. Расстаемся – финиш. Желаю тебе счастья в личной и общественной жизни. Привет!

Собственно, «привет» она бросила ему в лицо, уже уходя; обернулась и гордо так – впол-оборота, с надменным прищуром, процедила: привет!

– Вернись, иначе пожалеешь! – пожал плечами Гарик. Кажется, он был изрядно удивлен – не привык, чтобы женщины его бросали.

Но Ольга и не подумала возвращаться, хотя знала, что действительно пожалеет. Она уже сожалела о том, что их красивый роман закончился так... бездарно.

Актриса села в машину и неожиданно для себя расплакалась. Ну, здравствуйте – такого за ней давно не водилось! Она плакала разве что на съемках, когда это требовалось по сценарию; а в жизни ничего подобного себе не позволяла, еще чего! Она же сильная – прямо железная леди, ее ничем не проймешь, и вдруг за мощной броней проглянуло что-то слабенькое, уязвимое, женское. Неужели Гарик настолько ей дорог? Да как сказать... Они были вместе два года, но Ольга не строила в отношении него далеко идущих планов. По правде сказать, она вообще не строила никаких планов относительно замужества и создания семьи: какое замужество и уж тем более материнство, сейчас, когда ей только тридцать четыре и артистическая карьера на самом пике?! Тем не менее с Гариком ей было интересно, он придумывал для нее очаровательные сюрпризы, необычные путешествия, им было хорошо вместе... Но простить ему измену она, разумеется, не может. Она, в принципе, не терпит измен. Значит – забыть, и точка!

Ольга яростно ударила по газам – домой, отлежаться, отдохнуть, а завтра, глядишь, будет другой день, и эта «метель неприятностей» стихнет.

Глава 2

Ольга подъехала к дому. Голова раскалывалась, и то ли от этой нестерпимой головной боли, то ли от того, что раз уж день не задался, то в нем и все идет шиворот-навыворот, но получилось так, что у подъезда Ольга задела своим «Мерседесом» соседский джип. Задела только слегка, вот просто чуть-чуть – порядочный человек бы и не заметил! Однако ее сосед, живущий этажом ниже, – хмурый, бородатый мужик лет сорока, порядочным человеком не оказался. Он кинулся к своему то ли джипу, то ли танку (да что такому танку сделается, его хоть самосвалом расплющивай!) и принялся искать несуществующую вмятину. Об этом соседе (Ольга поселилась в этом доме всего полгода назад) она знала лишь, что его зовут Андрей Жданов и что он – известный кинооператор. Поскольку Жданов казался Ольге малоприятным типом – вечно угрюмый, словно обиженный на весь мир, – знакомиться с ним ближе ей не захотелось; случайно сталкиваясь в лифте или на парковке, они даже не здоровались.

Ольга подошла к соседу: да полно, нет здесь никакой вмятины, мужчина, и не придумывайте! Конечно, при иных обстоятельствах и в ином настроении она бы, пожалуй, легко погасила намечавшийся конфликт, улыбнулась бы, состроила дурочку, наконец, извинилась бы, но сегодня...

– Можно подумать, что я смяла ваш джип в лепешку?! – с места в карьер понеслась Ольга.

– А где же извинения, или их не будет? – Жданов наградил ее тяжелым взглядом. – Тогда знаете... это просто хамство!

Ольга почувствовала, что начинает заводиться, да еще, ох как болела голова! И, конечно, не сдержалась – выдала монолог «женщины на грани нервного срыва». Во-первых, нечего ездить на танке такого размера (вы бы еще на грузовике разъезжали!) – к подъезду нормально подъехать нельзя! Во-вторых, не смейте занимать мое парковочное место (я видела, что на прошлой неделе к вам кто-то приезжал и поставил машину на мое место, мое место, дядя!), а в-третьих... Впрочем, в-третьих и не понадобилось, оператору Жданову хватило и первых двух пунктов. Он поморщился, махнул рукой и потопал к подъезду, дескать, все – разговор окончен. Этого пренебрежения Ольга стерпеть никак не могла, от злости она забулькала, как сломавшийся чайник, и крикнула Жданову вслед сакраментальное: да вы знаете, кто я?!

Жданов обернулся и спокойно сказал:

– Знаю. Вы – истеричка.

Таблетка от головной боли, горячий чай, успокоиться и забыть про все неприятности, думать только о хорошем... Ольгины психотерапевтические внушения прервал требовательный звонок мобильного телефона. Она нехотя ответила на вызов. Приятный женский голос сказал, что ей звонят из уважаемого издания (название произнесли неразборчиво), с тем чтобы сообщить чудесную новость: актрису Искру приглашают на церемонию вручения премии, которой она удостоилась.

– Хотя что-то хорошее в этом дурацком дне, – усмехнулась Ольга, – надеюсь, речь идет о серьезной государственной награде?

В трубке помолчали, а потом уведомили, что речь идет о премии «Золотая галоша».

– Золотая что? – не поняла Ольга.

Ей любезно объяснили, что это – премия за худшие достижения в кинематографе, музыке, ну и так далее. Ольга застыла, переваривая услышанное. Вероятно, уловив возникшее напряжение, девушка из «Галоши» поспешила заверить, что на церемонии будет очень весело, и Ольге, как человеку с хорошим чувством юмором, все понравится. «У вас же есть чувство юмора?» – уточнила девушка. Оля почувствовала, как внутри ее что-то начинает вскипать, вот пошли пузырьки покрупнее, вот прямо забурило, дошло до точки кипения, и – Ольга взорва-

лась! Она смертельно разочаровала девушку из «Золотой галоши», выказав себя человеком без всякого чувства юмора – она просто послала этот комитет и всех его членов в прекрасные далекие дали. После чего звонившая мгновенно перестала быть доброжелательной и назвала Ольгу истеричкой.

Оля прервала разговор. Ее переполнял даже не гнев, а прямо-таки ярость, и эта ярость требовала выхода. Вспомнив подарок Гарика, Ольга выхватила билеты из сумки, вышла на балкон и выбросила их (закаты-рассветы – их с Гариком ночи любви – океан и пальмы) за окно – в метель. Белые листы бумаги полетели вниз, мешаясь со снежными хлопьями. Так, с этим покончено!

Телефон снова зазвонил. Женский голос, назвавший ее по имени, показался Ольге знакомым, и, подумав, что это опять звонят по поводу идиотской премии, актриса резко ответила, что ни в каких «галошах» участвовать не собирается, и пусть они свои галоши оставят себе.

– Но мы по другому вопросу, – заметили в трубке.

Как оказалось, звонили журналисты некоего издания с просьбой дать интервью по поводу ДТП с участием Ольги.

– Какого ДТП? – похолодела Ольга.

Ну как же, залопотала трубка, вы же сбили маленького мальчика, у нас есть снимок с места происшествия...

Оля в бешенстве отключила телефон. Ну да, мальчишка сам бросился ей под колеса, но кого это интересует? Сейчас раздуют из этой истории черт знает что. Напишут, что она полгорода передавила, да еще была «под мухой». Что ж ей так сегодня не везет?! Галошу еще какую-то придумали...

Ольга хотела посмеяться над сегодняшними превратностями судьбы, но вместо того снова расплакалась. Да как! Ревела и ревела. Впрочем, ничего удивительного тут не было. Она просто устала. Предельно устала. Последние полгода пахала как лошадь: бесконечные съемки, спектакли в театре, гастроли с антрепризой; такой график кого угодно вышибет из колеи, вот она и дошла до полного эмоционального истощения. Недаром ее сегодня все, кому не лень, называют истеричкой... Этак пойдет – она и в сумасшедший дом загремит.

Ольга подошла к окну, на улице сыпал снег; дома, бульвары, площади, прохожие – все терялось в метели. Москва оказалась в снежном плену. И где-то в метели потерялась женщина. Да, артистка Ольга Искра – усталая, одинокая, обманутая любовником, плакала, как обыкновенная женщина, и думала: почему у нее все разладилось? Почему ее жизненная программа, доселе нацеленная исключительно на успех, вдруг дала сбой?! Прицепом за этими вопросами поползли и другие: чего на самом деле она добилась, поставив на кон своей профессии все имеющиеся у нее фишки? Сомнительной премии за «худшие достижения в кинематографе»? Абсолютного одиночества?

Как странно – человек ставит себе какие-то цели, долгое время чуть не из кожи вон выворачивается, чтобы их достигнуть, программирует себя на их выполнение, а потом вдруг случается что-то – не предусмотренное программой, и он начинает сомневаться в своих достижениях: а то ли это, что нужно ему на самом деле?! «Вот я хотела славы и денег, и все исполнилось, – усмехнулась Ольга, – но оказалось, что этого мало, и для счастья нужно что-то еще. А что именно, кто его знает...» Ольга медленно, но верно погружалась в депрессию, доселе ей не знакомую. В состоянии внутреннего разлада она пыталась понять, отчего все вдруг пошло не так и почему она заслужила эти неприятности. Хотя... В глубине души Ольга знала ответ – нынешние неприятности еще малая плата за ту давнюю историю, когда она фактически украла у своей старшей сестры Татьяны ее судьбу.

И в этот снежный вечер события семнадцатилетней давности вдруг отчетливо припомнились ей...

* * *

Приморск. Восьмидесятые – девяностые годы

С годами разность сестер не то что сглаживалась, а, напротив, усиливалась, становилась еще более очевидной, и если Таня была «хорошей девочкой», то Оля сознательно – раз и навсегда – выбрала для себя роль «плохой девочки». А что должна делать «плохая девочка»? Правильно, во всем противоречить хорошей. Таня была спокойной, усидчивой, послушной, а Оля – резкой, взрывной, сорви-головой. Таня, научившись читать в четыре года, большую часть времени проводила за чтением и рисованием, а Оля... «Ох, уж эта Оля!» – качала головой мама, и глаза ее при этом были грустные-грустные. Грустнела и Оля, когда видела (не могла не видеть!), как меняется выражение маминых глаз, когда та смотрит на Таню (в этот момент Оля, переполняясь страшной обидой и ревностью, готова была разорвать все Танины альбомы и книжки). Причем старшая сестра это прекрасно понимала, однажды она даже сказала при всех: «А Оля специально родилась – назло мне!» Назло Тане или просто так совпало, но Оля действительно поспешила родиться вслед за старшей сестрой – в возрасте их разделял год разницы. Когда семилетняя Таня пошла в школу, шестилетняя Оля заявила, что тоже идет в первый класс – тут даже обсуждать нечего!

В школе повторилась та же история. Оля сознательно «отстраивалась» от старшей сестры. Таня сидит на первой парте? Значит, Оля будет сидеть на последней! Таня скромная и воспитанная? Ну, так Оля будет дерзить учителям и драться с одноклассниками! Таня учится на одни пятерки? А тогда Оля скатится на тройки, еще лучше на двойки! И всеми силами станет добиваться «неуда» за поведение: «Я буду плохой девочкой! Нет, ужасной. Маленькой разбойницей!» Все – из противоречия, и назло – родителям и, конечно, ей – Тане. Все и всегда Оля станет делать наперекор Тане. А что же Таня? Старшая сестра молчала, терпела Олины выходки, «не связывалась», лишь снисходительно говорила: «Ничего, я не обижаюсь, ты ведь еще маленькая!» И Оля скрипела зубами от злости, уж лучше бы Танька ее отмутузила, чем выказывала такое презрительное снисхождение.

А, да, еще внешность. Сестры были очень похожи: обе светленькие, сероглазые, и даже черты лица, рост, фигура схожи. Бабушка радовалась, глядя на них, и приговаривала: «Надо же! Двое из ларца – одинаковы с лица!» А Олю этот факт «одинаковости» просто доводил до иступления. Родители к тому же покупали им одинаковую одежду, и Оле хотелось повеситься на этой новой «точно такой же, как у Тани» кофточке или порвать сестре точно такое же, как у нее самой, пальтишко. Когда незнакомые люди, умиляясь их сходству, спрашивали девочек: «Вы близнецы?» – Оля орала: «Не-е-ет, ни за что на свете!» А могла и затопать ногами от злости, настолько ее злило сходство с сестрой (будь на то Олина воля, она бы полностью изменила свою внешность, лишь бы не быть похожей на Таню).

Ситуация еще больше осложнилась, когда выяснилось, что у сестер не только одежда одинаковая, но и мечта одна на двоих. Первой о желании стать актрисой заявила Таня, и Оля тут же поняла, что Таня «подслушала» ее собственную мечту, что на самом деле – это ее – Олино – предназначение сниматься в фильмах, играть в театре, высекать из людей искры своим талантом и благосклонно принимать от поклонников цветы. Оле было несказанно обидно, что Таня примазалась к ее мечте, да еще высказалась о ней вслух, словно «застолбив» мечту за собой. И уж каким источником постоянных обид для Оли стало то, что в театральной студии местного Дома творчества ей пришлось заниматься вместе с Таней! Оля бы с удовольствием ушла в другую студию, но другой в Приморске просто не существовало. Так сестры и занимались в студии вместе – с первого по десятый класс.

Причем Тане всегда доставались главные роли – все принцессы и романтические героини были ее. Преподаватель студии – пожилая, экспрессивная дама с огненно-красными волосами

Асасанна (Александра Александровна) – не чаяла в Тане Литвиновой души и считала Таню «необычайно перспективной». Оля же почему-то была преимущественно «на запасных ролях»: вручить главной героине судьбоносное письмо, подать чай, ну и так далее... И лишь однажды Оле удалось сверкнуть – раскрыться в своей звездной роли. В девятом классе на новогоднем представлении для младших классов ей доверили играть роль злого волка (Таня, разумеется, была антагонистом – белым и пушистым зайцем), и Оля настолько убедительно сыграла свирепого, отважного волка, что симпатии маленьких зрителей неожиданно оказались на стороне ее отрицательного героя. После спектакля Асасанна задумчиво сказала Оле, что та – яркая характерная актриса и ей надо «раскрывать» себя.

В этот день, вернувшись домой, окрыленная похвалой Асасанны, Оля заявила родителям, что будет «раскрываться» – через год, после окончания школы, она поедет в Москву поступать в театральный институт. И что вы думаете? Как только она это произнесла, в разговор тут же влезла Таня и, гаденько улыбаясь, сообщила, что как раз об этом она вчера разговаривала с родителями.

– О чем? – не поняла Оля.

Таня пожала плечами – не одна ты собираешься в Москву в театральный институт, вообще-то, это я первая решила.

Оля чуть не лопнула от злости, однако вида не показала. Спросила с деланным безразличием:

– А ты куда будешь поступать? В щепкинское? Ну, я тогда во ВГИК.

Год Оля жила ожиданием – готовилась к поступлению, разучивала отрывки, читала пьесы. И вот наконец последние экзамены, выпускной вечер, скоро ее ждет Москва и новая жизнь! И вдруг, как гром среди ясного неба, – отец, работавший водителем, попал в аварию; из-за полученных травм ему предстояла долгая и сложная реабилитация. Мать сбивалась с ног, ухаживая за мужем и старенькой матерью, она и разрывалась между домом и работой. Скоро стало ясно, что матери одной не справиться. Собрали семейный совет, на котором родственники решили, что учиться в Москву пока поедет одна из сестер – Таня, а Оля до следующего лета останется в Приморске – поможет матери.

Когда Оля узнала об этом решении, она чуть с ума не сошла. «Почему Таня?!» – кричала Оля, не желая принимать доводы, что Татьяна – старшая, «А у тебя еще целый год в запасе!» Родительские уговоры: «Ничего страшного, никуда твоя Москва не денется – поедешь следующим летом!» – ничуть не успокаивали девушку. «Нет и нет! Вы не понимаете, – заходилась от отчаяния Оля, – год, целый год – это же целая жизнь!» Она до последнего надеялась, что родители передумают и ее тоже отправят в Москву, но...

– Это что? – замерла Оля, увидев на столе железнодорожный билет.

Мать объяснила, что это – билет на имя Тани. Поезд завтра утром. А это отложенные для Тани деньги – в Москве они ей пригодятся. Все Олины надежды разбились. Сердце ухнуло и куда-то покатилося. Оля ушла к себе в комнату, чтобы не видеть, как Таня собирает чемодан, закрылась и проревела полночи. А потом она решилась.

Позже, вспоминая ту ночь, Ольга повторяла себе, что у нее тогда не осталось выбора. Да и дура была – шестнадцать лет! Что я тогда понимала? Вместо совести в этом возрасте лишь бешеная жажда жизни – любой ценой прорваться к мечте! Вот я и прорывалась, как могла... Это позже, много позже она доросла до понимания категорий «что такое хорошо, что такое плохо» и переосмыслила многие вещи, в том числе ту историю с бегством из Приморска...

Но, возвращаясь в то утро... К рассвету Оля уже знала, что делать. Она наспех собрала вещи, пошла в комнату старшей сестры, которая еще спала (поезд уходил в семь утра, и мать завела часы на половину шестого), и отключила будильник. Затем Оля взяла билет на имя Тани, приготовленные для нее деньги, Танины документы (взамен она оставила Тане свои документы и коротенькую записку с извинениями: извини, не могу иначе!) и крадучись, как вор, сбежала

из дома. Девушка добралась до вокзала, села в поезд, и – прощай, Приморск! Здравствуй, Москва!

А дальше была новая жизнь: поступление в театральный институт (Оля поступила легко, с первого раза), общежитие, новые знакомства. Домой в Приморск она решилась позвонить через два месяца. Трубку взяла мама. Узнав, что Ольга поступила в театральный, мать холодно сказала, что желает ей успеха. Отец и Таня разговаривать с ней отказались. «Ну и пусть, – фыркнула Ольга, – подумаешь...»

Столичная жизнь закрутила Олю – студенческие годы, скороспелый брак с однокурсником, выпуск из института, первые роли. Кстати, еще на первом курсе Ольга поменяла паспорт – оставаться Таней она не хотела (зачем лишний раз напоминать себе об этой истории? лучше все забыть!) и вернула свое имя. А вскоре у нее сменилась и фамилия. На втором курсе, выскочив замуж за однокурсника Илью Искру, Ольга стала Ольгой Искрой. Собственно, звучная фамилия – все, что осталось у нее от этого брака, развалившегося через полгода семейной жизни, зато теперь ей не требовалось придумывать псевдоним. Ольга Искра – звучало ярко, лучше не придумаешь. Под этим именем она и стала играть в кино и в театре, набирая популярность.

Вскоре от приглашений сниматься в кино у Ольги не было отбоя. Съемки, спектакли, гастроли – годы летели, ей некогда было оглядываться назад. Но иногда, вот как сегодня, на душе неприятно скребло, и Ольга думала: как там в Приморске, как Татьяна? Впрочем, печаль ее не была долгой – некогда грустить; бешеный темп жизни, плотный рабочий график – годы неслись вскачь, как горячий табун. И вот прошло семнадцать лет.

* * *

«Да, много снегов сошло с той поры!» – Ольга задернула штору.

Сейчас, вспоминая ту давнюю историю из юности, Оля чувствовала острое сожаление, что все сложилось таким образом. Все эти годы сестры не общались; от матери Ольга знала лишь, что Таня так и живет в Приморске, что ее личная жизнь не сложилась, карьера не задалась. Жаль, искренне жаль... Но что теперь сожалеть – уже поздно, ничего не вернуть, не исправить, а стало быть, к чему эти бесполезные переживания?! Голова опять разболелась. Ольга зевнула, надо ложиться спать, пусть этот неприятный день поскорее закончится!

Раздался звонок мобильного телефона. Звонили с незнакомого номера. «Ну кто еще?!» – вздохнула Ольга и ответила на вызов.

– Здравствуй, Оля! – сказали женским голосом.

Ольга замерла с трубкой в руках, потому что она, конечно, узнала, сразу узнала...

– Кто это? – хрипло спросила Ольга. От волнения дыхание перехватило.

– Это Таня, – ответила старшая сестра.

* * *

Славяна сидела за столом, обложившись школьными тетрадями, и делала вид, что решает задачи по математике. На самом деле она рисовала проект дома для них с отцом; дома, куда она сможет переехать и где ее не достанут ни учителя, ни мать. Может, сделать дом в виде башни? – задумалась Славяна, покусывая карандаш и раскачиваясь на стуле. Да, определенно – надо придумать нечто оригинальное в стиле архитектуры Гауди, и притом неприступное: мой дом – моя крепость! Двенадцатилетняя Славяна перевернула страницу альбома и сделала еще один вариант проекта. Весь альбом девочки был заполнен рисунками зданий в различных архитектурных стилях. Славяна, в будущем собиравшаяся стать архитектором, могла часами рисовать старинные и современные здания, придумывать дома, дворцы, чертить вертикали проспектов, выводить окружья площадей.

Из соседней комнаты доносились крики матери, бранившей девочку за плохие отметки.

«Вот достала, рехнуться можно! – вздохнула Славяна. – Если мать еще раз скажет про то, что «сейчас время жестокой конкуренции и что, закончив школу с тройками, ты не сможешь получить высшее образование и пойдешь работать дворником!», в моей голове что-то взорвется. Потому что я не могу это слышать в сотый, нет, в тысячный раз!»

– Слава! – Мать вошла в комнату. – О чем ты думаешь?! У тебя завтра контрольная за четверть! На тебя жалуются учителя!

Мать пролистала дневник дочери; лучше бы не смотрела – не расстраивалась, сплошное огорчение! Здесь замечание от учителя геометрии: «Не смогла начертить параллелепипед!» – здесь привет от учительницы французского: не знает артикли, родители, примите меры.

– Я должна принять меры! – грустно сказала мать.

Славяна снисходительно посмотрела на свою тоненькую, похожую на девчонку маму Лизу (темные, густо подведенные глаза из-под густой челки, вздернутый нос, рваные джинсы, тельняшка), и с иронией заметила, что на «принятие мер» потребуется много времени, которого у сверхзанятого журналиста Елизаветы Тришкиной просто нет. Мать кивнула, не уловив иронии дочери, – ей действительно не хватало времени (жизнь Лизы состояла из командировок, репортажей и бесконечной самореализации).

– У тебя ведь самореализация, – напомнила Славяна на случай, если мать позабыла, – у тебя на меня нет времени.

– На то, чтобы надрать тебе задницу, я найду время! – ласково пообещала мать.

– А есть другие альтернативы? – осведомилась Славяна.

– Есть. Репетитор по французскому и математике.

Славяна нехотя кивнула – ладно, договорились, пусть будут занятия с репетитором.

– Репетиторов найму, надеюсь, они тебя подтянут. Кстати, завтра я уезжаю в командировку на три дня, еду оставляю в холодильнике, – предупредила Лиза.

Славяна усмехнулась:

– Вы с отцом не иначе сговорились?! Вчера он уехал в командировку, теперь ты...

...Ее родители разошлись год назад. Формально Славяна осталась жить с матерью, но когда мать уезжала в рабочие командировки (а это случалось часто), девочка переезжала жить к отцу. По сему поводу Славяна невесело шутила, что она – переходящее знамя: переходит от матери к отцу и обратно. Но если честно, она радовалась возможности пожить у отца; с отцом ей было хорошо. Отец для Славяны являлся «праздником», а мать с ее придирками и нотациями воспринималась дочерью как... будни.

Перед тем как уйти из комнаты, мать напомнила Славяне, что та должна взяться за ум, потому что «с твоими тройками ты неминуемо станешь дворником и будешь мести дворы с утра до ночи долгие-долгие-долгие годы». О-о! – застонала Славяна: вот это фирменное, материнское причитание «про дворников» было самым ненавистным и набившим оскомину! Как же ее все – решительно все! – достало!

Ну да, правда – в последней четверти она и впрямь скатилась на тройки, но ведь тому есть причина, есть. Между прочим, в начальных классах девочка училась хорошо, но в этом году... Дело в том, что пару лет назад у нее стало портиться зрение и ей выписали очки. И если в краснодарской школе Славяна носила очки без всякого стеснения, то в новой школе, в Приморске, после того как одноклассники стали дразнить ее «четыреглазой», перестала носить очки (втайне от родителей). А поскольку без очков уже ничего не видела даже с первой парты, то быстро запустила материалы по многим предметам. Она, конечно, переживала свой новый статус «троечницы»; в новой школе у нее вообще нашлось много поводов для переживаний. Особенно невыносимо ей стало месяц назад, когда отца избрали мэром Приморска. С тех пор девочке стало казаться, что на нее все пялятся, будто она голая, и тычут в нее пальцами: смотрите, это дочь нашего мэра Степана Тришкина, и она очень-очень тупая!

Вот получить ярлык «тупой» Славяне стало бы обидно, а потому в школе она теперь демонстративно напускала на себя умный, гордый вид, на переменах держалась особняком и читала исключительно «умные» книги – за последний месяц ей попало, например, несколько взрослых «культовых» книг (не сказать, что из них она вынесла что-то особенное, кроме того разве, что мир принципиально непостижим).

Впрочем, в этот вечер ей захотелось чего-то совсем другого. Девочка достала из шкафа свою любимую детскую книгу – «Волшебную зиму» Туве Янссон и погрузилась в сказочную сагу о муми-троллях. Рядом с книгой она положила учебники (в случае, если мать вернется, можно сделать вид, что ты фанатично учишь французские артикли или, как больная, чертишь параллелепипед). В ногах у Славяны на собачьем коврике мирно посапывал пес Цыганок (клубок черной шерсти, глаза как две коричневые пуговицы, хвост бубликом).

...Цыганок в семье появился, когда они жили в Краснодаре. Как-то на улице за Славяной увязался щенок, да и пошел за ней до самого дома. Славяна притащила его в квартиру, спросила маму Лизу: можно? Мама Лиза покачала головой: категорически нет! И Славяна сникла. Щенка пришлось отнести на улицу. Всю ночь девочка проревела, а утром, выйдя из дома, увидела щенка во дворе, тот никуда не ушел, так и сидел под кустом. Тогда Славяна кинулась к отцу – он был последней надеждой. «Пожалуйста!» По лицу отца стало ясно, что собака не входит в его планы, и Славяна пустила в ход последнее оружие – заплакала. Отец сморщился, как от зубной боли, и махнул рукой: ладно, пусть остается, усыновляю.

С тех пор прошло много времени. Цыганок вырос, а родители Славяны развелись.

...И вот сейчас Цыганок спал на коврике, а Славяна читала про муми-троллей. Дойдя до самых «снежных» описаний, она взгрустнула: жаль, что в Приморске не бывает снега. Снег был ее самым прекрасным воспоминанием детства – того периода, когда она гостила у бабушки в Сибири. Славяна помнила, какой он белый, искристый и что когда его много и он наплывает облаками – это счастье. Но вот в Приморске снега нет даже на Новый год, и ни у какого самого мастеровитого Деда Мороза его не выпросишь...

Шелест страниц, сопение собаки... На Муми-долл опустилась долгая-долгая зима, дом муми-троллей занесло снегом, и до весны было еще так далеко...

На середине книги Славяна заснула. Ей снилась зима, занесенный снегом двор, посреди которого стоял грустный-грустный дворник, который когда-то плохо учился в школе.

* * *

Первое, что увидел Андрей Жданов, когда самолет, на котором он возвращался из Азии, подлетал к Москве, – был снег. Спускаясь по трапу, Андрей с наслаждением втянул московский морозный, снежный воздух. Когда три недели назад он улетал из Москвы на съемки в Азию, снега в Москве еще не было, ну а в Азии, понятное дело...

Такси летело по заснеженной Москве. Город был весь укутан в сугробы. Пожилой, усталый таксист, отвозивший Жданова домой, проворчал, сетуя на затяжные снегопады; что они там, наверху, с ума посходили?! Уже тонну снега на нас сбросили! И высказал гипотезу, что в нынешней непогоде виноваты американцы. Услышав про американцев, доселе молчавший и посмеивавшийся в усы Жданов (в Азии он зарос, как черт) не выдержал и спросил, какая есть связь между американцами и русской непогодой.

Таксист, от волнения чуть не выпустив руль из рук, закричал:

– Дак это же очевидно! Американцы поставили на Аляску свою установку хрен знает каких мощей, которая нас накрывает, ядреный корень, и портит нам климат!

Жданов снова тихонько засмеялся в усы: ну дела! У него было хорошее настроение человека, вернувшегося домой с чужой стороны, и настоящей русской зиме он был рад, и Москве, уже украшенной к новогодним праздникам, и особенно снегу. Со снегом у оператора Жданова

всегда были особенные отношения, Андрей любил снимать снег. Режиссер Михаил Седов, с которым Андрей делал свой последний художественный фильм, даже сказал, что благодаря операторской работе Жданова в их фильме главным героем является снег и что Жданову удалось показать какую-то особенную «архитектуру» снега. Андрей не очень понял, о чем говорил Мишка – любитель красивых, но зачастую бессмысленных выражений, однако звучало хорошо – архитектура снега. Кстати, за тот фильм ему дали премию на кинофестивале, отметив лучшую «операторскую работу».

Ехали долго. Андрей смотрел на снег через автомобильное стекло, можно сказать, изучал будущую натуру (на январь у него были запланированы съемки научно-популярного фильма о кристаллографии). Наконец такси остановилось у его дома.

Андрей зашел в свой двор и вдруг увидел, что подъехавший к подъезду «Мерседес» задел его джип, стоявший на принадлежащем ему парковочном месте. Жданов подошел к своей машине и оглядел бампер; скандалить он не собирался, но полагал, что неумелый водитель хотя бы извинится. Однако дамочка, выскочившая из «Мерседеса» (Жданов узнал в ней соседку, жившую этажом выше, – актрису Ольгу Искру), судя по всему, извиняться не собиралась. Вместо того эта дурная баба прицепилась к нему и закатила форменную истерику. Жданов даже плечами пожал: истеричка! А впрочем, что с нее взять – актриса! Все актриски – истерички, уж ему-то, когда-то женатому на актрисе, этого не знать! Ишь, как беснуется! Красивая, но такая дура, прости господи... В этот миг блондинка зашипела, как бешеная кошка – ух, злющая! И Жданов поспешил уйти – что с дурой связываться?

...В квартире было тихо; его любовница Соня уехала в Петербург на пару дней и должна была вернуться завтра. Андрея встретил только кот, замурлыкал, потерся об ноги. Жданов положил камеру, прошел в гостиную и сел за пустой стол.

Радость возвращения быстро гасла. В последние три года он мотался с кинокамерой по всему свету, потому что не мог надолго оставаться в Москве. Он словно бежал от себя, надеясь заглушить застрявшее в душе чувство обиды и горечи, не отпускавшее его после развода с женой и разрыва с Седовым – гениальным режиссером, на пару с которым они сняли свои лучшие фильмы. Тогда, три года назад, Жданов переживал не лучший период жизни: стал выпивать, ушел из кино, перестал видеть смысл в чем-либо. И позже, дойдя до предельной, критической точки, чтобы как-то вытащить себя из болота уныния и отвлечь от алкоголя, намеренно выбрал деятельность, связанную с длительными рабочими командировками, мотался по всему свету и снимал авторское документальное кино. Теперь его жизнь – сплошная география, сегодня он в Азии, завтра – в Африке, а через месяц судьба занесет его на Крайний Север снимать фильм о кристаллографии. В таком образе жизни Жданов находил очевидные плюсы, потому что дома он начинал быстро скучать. Вот и сейчас – вроде только прилетел, а, кажется, уже хандра подступает...

Жданов разобрал вещи, покормил кота, на скорую руку пожарил яичницу, заварил крепкий чай. После ужина Андрей высунулся на балкон – покурить. Балкон был открытым, незастекленным, и сейчас почти до половины заполнен снегом. Жданов засмотрелся на падающий снег и вдруг увидел, что откуда-то сверху на его балкон упал лист бумаги. Что еще за небесное послание? Он поднял бумажный лист. Авиабилеты... Москва – остров... Ху... Хулуле?! Однако! А, понятно, на Мальдивы собрались граждане! А вот и граждане указаны: Ольга Искра, Игорь Толубеев. Искра? Это же та чокнутая баба, с которой он давеча столкнулся, его соседка с верхнего этажа, звездюлька кино и малых драматических театров... Ну и каким макаром ее билеты попали на его балкон? Жданов озадачился – разумных объяснений этого происшествия у него не было, неразумных тоже. Разве что – актрисины билеты на экзотические острова сдуло с ее балкона или из ее окна и принесло на его балкон. Может, отнести ей билеты? Вдруг действительно их унесло ветром, и они ей нужны?! «Ладно, завтра», – подумал Жданов, закрывая балконную дверь.

Ему не хотелось вступать с эпатажной актрисой ни в какие отношения, но ветер, который принес ее билеты на балкон, как сказано в одной Книге, «веет, где хочет: шум ветра слышишь, а откуда он приходит и куда уходит – не знаешь». И подчас он соединяет самых разных людей без всякой на то их воли...

Глава 3

Ольга, волнуясь, сжимала в руках телефон. Татьяна сказала, что она сейчас в Москве – приехала на три дня «по делам», и предложила встретиться.

Встретиться?! Ольга не знала, что ответить сестре, пауза затягивалась. Наконец выдавила:

– Ну, приезжай ко мне... Я живу на Остоженке.

За тот час ожидания она успела передумать всякое: зачем приехала Татьяна? Что ей нужно сейчас, спустя семнадцать лет? Хочет расплатиться по старым счетам? Будет стыдить, увещевать?!

...Сестры сидели в Ольгиной гостиной друг напротив друга. Ольга рассматривала Татьяну – выглядит неплохо, моложавая, стройная, явно не выпендривалась, собираясь на встречу: одета просто, минимум косметики, русые волосы забраны в хвостик; да и держится скромно, кажется, даже стесняется. В облике Татьяны не нашлось ничего, что могло бы вызвать раздражение, однако что-то во внешности сестры Ольге безотчетно не нравилось. Поразмыслив, девушка поняла, что ее раздражает их сходство, они по-прежнему были похожи. «Двое из ларца – одинаковы с лица», – как говорила в детстве бабушка. Только младшая сестра – отглаженная до глянцевого блеска в дорогом салоне красоты, а старшая – золушка, простушка, привет, Приморск!

Поначалу беседа не клеилась. Ольга словно замерла в оборонительной стойке, ожидая от сестры подвоха (к чему мне готовиться: к упрекам Татьяны, ее слезам, проклятиям в мой адрес?); однако время шло, а Татьяна не спешила переходить в наступление. Разговаривали на нейтральные темы: о родителях (отец нашел хорошую работу в Краснодаре, и вдвоем с матерью они уехали из Приморска), о сегодняшней московской метели, Ольгиных фильмах. Наконец Ольга не выдержала. «Так зачем все-таки ты приехала в Москву?» И тогда Татьяна (святая простота!) вдруг призналась, что никаких дел в Москве у нее нет, а приехала она, чтобы повидаться с сестрой. Надо сказать, что Ольга ожидала любого ответа, кроме того, что услышала. «Неужели ты специально приехала в Москву, чтобы увидеть меня?!» Татьяна, уловив нотки ужаса в голосе сестры, махнула рукой: ну не только из-за тебя... Просто бывают ситуации в жизни, когда хочется все изменить, развернуть судьбу на сто восемьдесят градусов или просто куда-нибудь сбежать.

...Позавчера, достигнув дна своего отчаяния, Татьяна вдруг подумала: а вот возьму и поеду в Москву! Там снег, елки на площадях, и в воздухе ощущение скорого Нового года! Погуляю, развеюсь и, глядишь, отвлекусь от этой некстати накатившей депрессии; тем более что я уже десять лет, кроме Краснодара, никуда не выбиралась. Да и к тому же у меня в Москве есть сестра. Может, настала пора нам встретиться?

Сборы были недолги. Татьяна отменила занятия с детьми на три дня, взяла билет, и вот она в Москве.

– Считай, что я сбежала от себя самой. – Старшая сестра вздохнула так горько, что стало ясно – было от чего бежать.

Слово за слово, Татьяна разговорилась. И хотя она ни в чем не упрекала Ольгу, ее рассказ о собственной жизни, полной проблем (я только что рассталась со своим парнем – чемпионом в таком виде спорта, как эгоцентризм; у меня нет стабильной работы, а на жизнь я зарабатываю тем, что даю уроки французского языка), сам по себе звучал для Ольги как обвинение: моя жизнь не сложилась, и в этом есть твоя вина.

– Говоришь, у тебя жизнь не сложилась? – не вытерпела Ольга. – И, конечно, винишь в этом меня?

Татьяна молчала.

– Поверь, я сожалею о том поступке, и сейчас я бы так с тобой не поступила, – угрюмо добавила Ольга. – Хотя мне кажется, что если бы ты действительно мечтала об актерской карьере, тебя бы ничто не остановило. Ну вот скажи, дорогая Таня, что тебе мешало взять мой паспорт – Таня-Оля, какая разница?! – и поехать в Москву следующим поездом? Или следующим летом, когда отец выздоровел и твоя помощь матери была уже не нужна?! Зачем разводить трагедию на пустом месте?! Ты ведь могла поехать?!

* * *

Приморск. 1998 год

Татьяна держала в руках записку сестры. «Таня, прости меня, я не могу иначе. Я должна ехать в Москву. Оля». Несколько слов, и мир перевернулся.

Она показала записку родителям; мать заплакала, а отец процедил: вот сволочь воспитали! На этом все – Олин поступок в семье больше не обсуждали. Хотя Татьяна знала, что мать общается с Олей – та звонит из Москвы. Иногда мать спрашивала Татьяну, не хочет ли та поговорить с сестрой, но Таня сжималась: может, потом... позже?!

Прошел год. Мать предложила дочери ехать в Москву поступать: поезжай, дочка, я тут сама справлюсь. Татьяна отказалась (понимала, что матери будет трудно, отец только начал выздоравливать), сказала, что поступление можно отложить еще на год, а через год, когда все более-менее наладилось и она могла уехать без ущерба для семьи, Татьяна поняла, что что-то в ней словно сломалось, перегорело. И никуда не поехала. Она закончила педагогический институт в Краснодаре – удобно, рядом с домом (на выходные можно ездить домой), потом вернулась в Приморск. В двадцать четыре года Таня была полностью свободна – получила педагогическое образование, семейные проблемы разрешились; теперь бы ей и вспомнить про давнюю мечту и поехать в Москву, но... она встретила Сашу и решила посвятить жизнь ему.

* * *

Москва. Наше время.

Татьяна смотрела на сестру и молчала. А что тут сказать? Что Ольгин поступок семнадцать лет назад подкосил ее, изменил ее жизнь?!

Этого оглушительного, красноречивого молчания сестры Ольга не выдержала – съежилась, как от удара и поскакала на кухню за бутылкой коньяка. Вернувшись в гостиную, Оля залпом опрокинула рюмку: а ну-ка давай разбираться! И понеслось: а ты думаешь, Таня, что у меня не жизнь, а швейцарский шоколад? И что мне все далось просто так?! Да что вы все знаете!

...А что они знают о настоящей, а не глянцевой жизни «напоказ» актрисы Ольги Искры?! Кто подумает о ее хронической усталости, накопившейся за годы?! Да она устала до отчаяния, до остервенения, пять лет в отпуске не была, а потому что некогда: съемки, гастроли, график расписан на год вперед. Над ней даже коллеги смеются: «Искра, ты ипотеку, что ли, взяла? Во всех фильмах засветилась?» А у нее установка: пока снимают – надо работать. Вдруг однажды ее перестанут приглашать, давать роли, и она станет не востребовавшей. Как поется в хорошей песне: «Опоздавших не ждут»... Да, именно. Вот и пашет актриса Ольга Искра, как рабочая лошадь, готова хоть двадцать часов проводить на съемочной площадке и еще двадцать (сделать невозможное – вместить в сутки сорок часов!) отдать любимому театру. Потому что театр для нее – другое. Это – для души. Это из любви к искусству, то, ради чего она, собственно, пришла в профессию.

И так – работа, работа, ничего, кроме работы. Какие там спа-салоны, посиделки с подругами, вечеринки?! Ничего подобного, на это нет времени. И, разумеется, никакой личной

жизни. Ну а что – Гарик, что ли, личная жизнь?! Да ну, я вас умоляю... Гарик – это так... Секс три раза в неделю (говорят, он нужен для здоровья). А на серьезные отношения она не подписывалась – потом... как-нибудь потом, когда популярность пойдет на убыль и Ольга сможет позволить себе расслабиться (в идеале – когда выйдет на пенсию!). Так что ее жизнь – четкий график, как маршрут поездов в РЖД (отлажено, расписано, согласовано), и однако же в этой идеальной схеме вдруг случился какой-то сбой, все пошло не так. Неожиданно все поезда, вопреки установленному маршруту следования, летят с откоса; спустя семнадцать лет появляется некто из твоего прошлого и выступает тебе живым укором...

Ольга посмотрела на старшую сестру едва ли не с ненавистью, как когда-то в детстве:

– А ты думаешь, Таня, у меня не было причин поступить так, а не иначе?! Если хочешь знать, я сбежала в Москву не из-за своей стервозности или капризов, а ради... мечты. Ну не смогла бы я жить, не став актрисой! Я бы сдохла в вашем Приморске от тоски!

Ольга и впрямь считала, что если у нее есть какие-то оправдания, так это то обстоятельство, что она в свое время уехала в Москву ради высокой цели – стать незаурядной актрисой, и ради любви к профессии (потому что вся ее жизнь – служение искусству).

– Что же, Оля, – вздохнула Татьяна, – я рада, что мечта твоя исполнилась, что ты реализовалась в любимом деле, рада, что у тебя все хорошо.

Примиряющие слова сестры, как ни странно, вызвали у Ольги сильное раздражение (Татьяна, как когда-то в детстве, проявляла унижительную «снисходительность»). Не выдержав, Ольга буркнула:

– Рада?! А в душе, небось, считаешь меня последней сволочью?! Небось, думаешь, что я украла у тебя судьбу? Славу, деньги, яркую столичную жизнь?! Может, это ты должна быть на моем месте?!

Татьяна растерянно пожала плечами.

– Да хочешь, давай поменяемся?! – в запале выкрикнула Ольга. – Хотя бы месяц побудь в моей шкуре?!

То ли Ольга в этот вечер выпила слишком много коньяка, то ли ее действительно так «допекла» собственная жизнь, но сейчас ее несло, и внезапно пришедшая в голову идея вдруг захватила Олю.

– Ты о чем? – не поняла Татьяна.

– Чего непонятного? Я предлагаю тебе сыграть в интересную игру под названием «Перемена участи». Давай вернемся в ту точку прошлого, где наши пути разошлись, и на три недели – скажем, до Нового года, поменяемся местами и судьбами, используя наше внешнее сходство!

– Ну и как ты это себе представляешь? – Татьяна смотрела на сестру с изумлением.

Оля немедленно разъяснила свой план. Татьяна останется в Москве (квартира, документы и звездный статус актрисы Искры прилагаются), а Ольга поедет в Приморск, будет жить в квартире Татьяны и попытается подстроиться под обычный уклад ее жизни.

– Ты серьезно, Оля? – Серые и без того большие глаза Татьяны от удивления стали огромными – в пол-лица.

– Ну что ты вытаращилась? – усмехнулась Ольга. – Я предлагаю тебе интересный эксперимент. Попробуем пожить жизнью друг друга! Ты – моей, я – твоей. Ты ведь хотела стать актрисой? Так вот тебе роль – сыграй Ольгу Искру! А я сыграю тебя!

– Я не хочу, – поежилась Татьяна. – Зачем все это?

– Мне это нужно, – вдруг разом стала серьезной Ольга, – зачем-то нужно. Да и тебе, думаю, будет полезно разобраться со своей жизнью, взглянув на нее, так сказать, со стороны.

– Но у меня работа, дела! – спохватилась Таня.

– Отмени!

– Что ты, я не могу, – испугалась Татьяна. – Я подведу людей!

Ольга поморщилась: о, узнаю ответственную Таню! Она и в детстве была такой! Чтобы успокоить сестру, Оле пришлось сказать, что неотложные дела в Приморске она попырует исполнить сама. Это несколько успокоило Татьяну, правда, она тут же озаботилась другим вопросом: а разве она сможет сойти за сестру? Ольга махнула рукой: да конечно!

– Ну, снимешься в паре телепрограмм, отработаешь за меня на съемочной площадке – пустяки! Да что ты так пугаешься?! Может, еще и не понадобится! И к тому же, если возникнут какие-то сложности, говори всем, что попала в аварию, мол, стукнулась башкой, и теперь временами находит затмение – ничего не помню и все такое. А потом мы с тобой постоянно будем на связи, если что – все обсудим. Ну? Решайся, сестра! – настаивала Ольга.

Татьяна долго молчала, наконец выдохнула:

– Ладно. Я согласна.

* * *

Три командировочных дня в Москве оказались насыщены до предела: деловые встречи, переговоры – с утра до позднего вечера. Ни сил, ни времени на то, чтобы просто погулять по Москве, у Степана Тришкина не было. Лишь в последний день служебной командировки ему удалось выкроить время для себя – несколько часов до вечернего поезда, на котором он должен был вернуться домой в Приморск.

А куда идет человек в Москве, если у него есть всего несколько часов? Правильно, Степан Тришкин пошел на Красную площадь. Сначала, впрочем, он заглянул в знаменитый торговый центр ГУМ, чтобы присмотреть подарок для своей двенадцатилетней дочери Славяны, но в помпезных бутиках главного магазина страны с их заоблачными ценами Степану не удалось найти ничего подходящего. Зато в ГУМе у фонтана продавали отличное мороженое, то самое, легендарное, которое Степан помнил с детства. И хотя мороженое он покупать не стал, у фонтана мужчина все-таки присел на лавочку. Взрослый, сорокалетний дядька, замотанный министерствами, отчетами и грозным зверем под названием «бюджет», приобняв свой портфель, набитый важными документами, сидел и вспоминал, как на этом самом месте, тридцать с лишним лет назад он наворачивал мороженое – один стаканчик за другим. Та детская поездка в Москву вдруг припомнилась ему во всех подробностях.

...В ту зиму Степану исполнилось восемь. Вместе с родителями он жил на севере, в маленьком городе, где зима, кажется, длилась большую часть года. В конце декабря отец Степана отправился в Москву в командировку и, к великой радости мальчика, взял его с собой. До Москвы ехали поездом, в вагоне отец читал Степану повесть Гайдара «Чук и Гек». И это было абсолютное счастье – ехать в купе, пить горячий чай в гремящих подстаканниках под стук колес, слушать хриловатый голос отца: «Большие и маленькие колокола звонили так: тир-лиль-лили-дон! Тир-лиль-лили-дон!»

Чук с Геком переглянулись. Они гадали, что это. Это в далекой-далекой Москве, под красной звездой, на Спасской башне звонили золотые кремлевские часы. И этот звон – перед Новым годом – сейчас слушали люди и в городах, и в горах, в степях, в тайге, на синем море... И тогда все люди встали, поздравили друг друга с Новым годом и пожелали всем счастья».

А потом была зимняя Москва, торжественная Красная площадь, гумовское мороженое, заснеженный Александровский сад, рубиновые звезды Кремля, новогодний подарок отца – билет на кремлевскую елку! И снова ощущение абсолютного – до горизонта – счастья.

...Степан вздохнул: с чего он сегодня так разволновался? Здоровый мужик, занимающий солидную должность – как-никак мэр города, отец взрослой дочери, а расчувствовался, как мальчишка... Отставить сантименты! – приказал себе Тришкин и потопал на Красную площадь.

Рубиновые кремлевские звезды сияли так же, как во времена его детства. Площадь засыпал снег. Остановившись под курантами Спасской башни, Степан позвонил дочери в Приморск, но Славяна не ответила, отделалась коротким SMS, мол, она сейчас в школе и разговаривать не может. Степан с нежностью (всякий раз, когда он думал о дочери, его переполняла нежность) подумал: как она там? Он вспомнил, как нахмурилась Славяна, когда он сообщил ей о том, что уезжает в Москву, и как она просила его остаться. Он твердо сказал, что должен ехать и, значит, нечего обсуждать; а чтобы смягчить суровый тон, шутливо спросил, что ей привезти из заморских странствий. «Аленький цветочек!» – отозвалась на шутку Славяна, и отец увидел, что в уголках ее темно-зеленых глаз блеснули слезы. Он обнял ее и сказал нарочито строго: ну-ну, будет... Да, вот эту бесконечную нежность к дочери он прятал под маской суровости и сдержанности.

Зачастую (вот как сейчас) наряду с нежностью на него накатывало чувство вины перед дочерью. Степан чувствовал себя виноватым за то, что они с Лизой не смогли сохранить семью. Он знал, как сильно Славяна переживала их развод. Да он и сам переживал... Он любил жену, и Лиза любила его, но потом что-то словно сломалось, и однажды Лиза – сам бы он не решился – сказала, что им лучше расстаться. Он тогда переспросил ее: для кого лучше? Потому что не был уверен, что для Славяны так лучше, но Лиза пожала плечами: для всех. У нее была своя правда, если семьи больше нет, зачем создавать видимость, кому нужна фальшь и притворство? И они развелись. Лиза с головой ушла в любимую журналистику, а он – в свою работу, тем более что вскоре после развода Степану пришлось сменить род деятельности. Ему, владельцу крупной строительной фирмы в Краснодаре, предложили баллотироваться в мэры небольшого областного города, и он, к своему удивлению, согласился. А после того как выиграл выборы и стал мэром, в его жизни уже не оставалось времени ни на что, кроме работы. Ему не удавалось уделять подрастающей дочери столько времени, сколько бы им обоим хотелось, и это рождало у него сильное чувство вины по отношению к Славяне.

«Когда вернусь, надо будет устроить для нее настоящий праздник, – решил Степан, – тем более что скоро Новый год! Организуем что-нибудь этакое... чтобы непременно елка, мандарины, подарки, мешок счастья и чудо!»

Мужчина взглянул на кремлевские куранты – до поезда оставалось еще немного времени. Он окинул площадь прощальным взглядом и отправился «по магазинам» – искать для дочери «аленький цветочек».

* * *

Итак, сестры заключили договор: в следующие три недели – до Нового года они должны продержаться «в шкуре друг друга» (никто из окружающих не должен догадаться о подмене). Узнав о том, что у Татьяны билет на утренний поезд до Краснодара, Ольга попросила его показать. Татьяна протянула ей бумагу.

– Билет на поезд на имя Татьяны Литвиновой?! Ну-ну. История повторяется! – усмехнулась Ольга. – Вот по нему и поеду. Как когда-то... К тому же экзотика – прокачусь в плацкарте!

– Почему же в плацкарте? У меня билет в купе.

– Да ну?! Это же совсем другое дело! Поеду с шиком! – рассмеялась Ольга. – Кстати, давай махнемся паспортами!

– Но это подлог документов, – вяло запротестовала Таня.

Ольга протянула ей свой паспорт:

– Да не бойся, это всего до конца декабря. Потом обратно обменяем. Ну что – мне пора собираться в дорогу.

– А я? – растерялась Татьяна.

– А ты уже на месте, – Ольга обвела рукой гостиную, – располагайся, чувствуй себя как дома.

Татьяна сжалась – как дома в квартире сестры она себя явно не чувствовала. Тем временем Ольга устроила ей экскурсию: кухня, спальня, гардеробная (все вещи в твоём распоряжении), здесь библиотека. Вот компьютер, будем общаться по скайпу... Вопросы есть? Таня развела руками: у нее был только один вопрос. К себе. Как она могла ввязаться в подобную авантюру? Но отступить оказалось поздно.

Разместив сестру на ночлег, Ольга ушла собирать чемодан.

Прощались утром. Растерянная, Татьяна с надеждой смотрела на сестру, может, та скажет, что передумала, потому что их затея похожа на авантюру, и стоит ее...

– Нет, ничего отменять не будем, – улыбнулась Ольга и вынесла в прихожую чемодан. – Такси у подъезда, еду на вокзал. Вещей, как видишь, много брать не стала...

– Если что, бери мои вещи, – сказала Татьяна, – пользуйся.

Ольга с легкой иронией поглядела на сестру, одетую в пижаму с изображением Микки-Мауса:

– Спасибо, думаю, обойдусь. Ну что... Удачи тебе в новой жизни!

* * *

Удачи в новой жизни! Да-а-а, легко сказать...

Ольга уехала на вокзал два часа назад, а Татьяна так и продолжала сидеть в пустой квартире, как изваяние, – тихая, потерянная. Она не понимала, зачем согласилась на безумное предложение сестры...

Поменяться местами! Ну бред ведь, бред! А она вот взяла и согласилась, как будто гипноз какой-то. «Неужели я так страстно хочу изменить свою жизнь, что ради перемен готова согласиться даже на безумную авантюру?! А с другой стороны, – вздохнула Татьяна, – что я теряю?! Что такого я оставила в той жизни, о чем могу пожалеть? Разбитые мечты, отвергнутую любовь?!»

Ей нужно было найти силы, чтобы прожить предстоящие три недели, выдержать это испытание, да хотя бы просто встать и заставить себя что-то делать. Она встала, подошла к окну.

На улице белым-бело от снега. Снег чистый, как белая страница – пиши что хочешь; как этот зимний день – первый день ее новой жизни. Татьяна поняла, что если останется сейчас дома – сойдет с ума от переживаний, и отправилась гулять.

Она прошла по заснеженным улицам, посмотрела, как дети играют в сквере в снежки, потом пошла на золотой свет куполов храма Христа Спасителя и не меньше часа провела в соборе, дивясь тому, какой он дивно-прекрасный. Затем пешком вдоль набережной дошла до Кремля, прогулялась по Красной площади. Озябнув, она зашла в кофейню и выпила кофе, а когда белый московский день стал отлетать и превращаться в синий вечер, девушка отправилась искать дом Ольги. Найти дом сестры сразу не получилось – пришлось поплутать, Татьяна устала и замерзла.

Блестящая квартира сестры показалась ей чужой и враждебной. У Татьяны было неприятное чувство, что она самозванка и сейчас придет кто-то и попросит ее выйти вон. Однако никто не шел. Таня вернулась на свое место в гостиной, где сидела утром, и так же, как утром, застыла в оцепенении. Сегодня, бродя по городу – одна из многих в гигантской толпе, она чувствовала предельное одиночество (а правильно говорят, что наиболее полно и горше можно ощутить одиночество в мегаполисе); и в квартире Ольги одиночество не отпускало. Ей еще никогда не было так одиноко, как теперь. «Зачем я здесь?» – крутилось в голове грустной мело-

дией. И даже так: «Зачем я? Зачем все? Из Приморска сбежала, здесь чувствую себя чужой, а где мой настоящий дом?»

За окнами совсем стемнело. На Москву опустился вечер – стылый, синий. За окном по-прежнему шел снег – долгий и какой-то равнодушный. Холодный, московский снег. И слезам Москва, как известно, не верит. Так что нечего плакать, нечего... Татьяна смахнула с глаз предательские слезы.

В абсолютной тишине квартиры трель дверного звонка прозвучала как гром. Татьяна вздрогнула и поспешила в прихожую. Может, это Ольга вернулась?! Сейчас скажет, что все было шуткой и...

– Кто там? – Татьяна посмотрела в дверной глазок.

– Откройте! Соседи! – раздался требовательный мужской голос.

Татьяна отворила дверь. На пороге стоял хмурый мужик. Лицо заросшее, как у абрека, одет без затей: джинсы, линиялая майка. Элегантный образ завершал странный парфюм с устойчивым запахом коньяка.

– Здравсьте, – процедил мужик.

На всякий случай Татьяна вежливо поздоровалась – мало ли кто это, может статья, добрый Ольгин знакомый? И точно, оказалось, что знакомый, но не очень добрый, потому что мужик вдруг с апломбом заметил, что недавнее происшествие на парковке было просто хамством с ее стороны. Да! Если не сказать больше!

Татьяна покраснела: извините... Прозвучало виновато, искренне, и тут уже удивился мужик, видать, не ожидал от нее такой покладистости. Он махнул рукой: ладно, прощаю, вообще-то я не за этим пришел. Незнакомец назвался Андреем Ждановым, сказал, что он живет этажом ниже и что давеча на его балкон принесло вот это... Он протянул Татьяне мятый лист бумаги. Татьяна бегло пробежала лист глазами, пытаясь понять, о чем идет речь. Авиабилеты на имя Ольги Искры и Игоря Толубеева...

– Думаю, это уже не понадобится! – вздохнула Татьяна.

– Что не понадобится? – проворчал Жданов. – Не поедете, что ли? А как же ваш Хулуле?

– Мой... что?! – Татьяна осеклась и посмотрела на незнакомца с негодованием: какой убогий, пошлый юмор!

– Ну, все равно возьмите свои билеты, может, еще передумаете сто раз да полетите! – брякнул Жданов.

– Да куда я полечу! – ответила Татьяна дрогнувшим голосом. У нее и так целый день в горле стояли слезы, а сейчас она почувствовала, что больше не может сдерживаться. Усталость, переживания сегодняшнего дня да еще визит этого малоприятного типа, его идиотская шутка!

Увидев ее слезы, Жданов сначала застыл (чего-чего, а женских слез он не любил, он их, можно сказать, ненавидел), а потом возмутился:

– Чего вы ревете?!

– А вам-то что?! – ответно возмутилась Татьяна. – Хочу и реву!

И она захлопнула дверь перед носом хамоватого соседа.

Глава 4

Итак, поезд! А поезд – это такое средство передвижения, на котором Ольга не передвигалась лет семь. Ну ладно, смиряем гордость, вживаемся в образ Тани Литвиновой! Уф! Оля затащила чемодан в пустое купе и удовлетворенно хмыкнула: хорошо, хоть поедет одна – попутчики сейчас были бы некстати! Большую часть пути она собиралась проспать, выпив снотворное, которое на днях, узнав о бессоннице актрисы, дала домработница Вера. Упова на чудодейственные Верины таблетки, Ольга сразу переделась в пижаму: сейчас выпьет «сонное», и всем до свидания! Пока девушка спит – поезд идет!

В дверь купе вдруг постучали. Ольга раздраженно повела плечами: должно быть, ходят по вагону корабейники – предлагают всякие товары, но ей, извините, ничего не надо.

Стук усилился.

– Ничего не надо! – крикнула Ольга.

Ручку задержали.

Ольга приоткрыла дверь:

– Говорю же, ничего не надо!

– Так мне надо! – объявил возникший в проеме купе мужчина. – Добрый день! У меня билет в это купе! Извините, я немного задержался в вагоне-ресторане...

Ольга недовольно поджала губы, ну вот, все-таки придется ехать с попутчиком! Она оглядела незнакомца: лет средних, не высокий – не низкий, не тощий – не толстый, черты лица обычные (как говорится, особых примет в виде исключительных внешних данных, породы или хотя бы интеллекта в глазах – нет), мужик как мужик. Незнакомец уселся на свое место.

Сейчас начнет подкатывать с разных сторон, с раздражением подумала Ольга. Точно! И пяти минут не прошло, как тот действительно начал, спросив, как зовут попутчицу. Ольга в ответ буркнула что-то типа: ольгасанна, но так неразборчиво, что мужчина явно не расслышал, а переспрашивать, судя по всему, постеснялся. Вскоре незнакомец решил сделать еще заход и подкатил к Ольге с коробкой конфет: не желаете ли, сударыня? Оля брезгливо повела плечом: что за фамильярность, дядя?! Это помогло – мужик стушевался и на какое-то время уgomонился.

Между тем за окном темнело. Решив, что пора спать, Ольга выпила чудодейственную «сонную» таблетку. По прошествии получаса, поняв, что долгожданный сон не приходит, Оля пригорюнилась: а видимо, мура все эти таблетки?! Она поглядела в окно, за которым проносились леса, деревни, полустанки, и засмотрелась на крупный, прямо-таки кинематографический снег. Леса были заметены снегом, крыши домов прогибались под ним... Красиво!

– Снег! – Ольгин попутчик кивнул в окно.

Ольга бросила на мужика хмурый взгляд – ну, вижу, не слепая. Это все, что вы хотели сказать, или еще последует ценное замечание? Внезапно она почувствовала, что Верина таблетка начинает действовать: по всему телу разливалась тяжесть, веки смежались. Прежде она никогда не пила снотворного, а потому удивилась: что это со мной, прямо плющит с этой таблеткой?! Она зевала. В это время ее попутчик со словами: как жарко, однако здесь топят на совесть, вдруг стянул с себя свитер и остался в футболке. И вот тут Ольга остолбенела – руки незнакомца покрывали татуировки. Щедро и густо.

Проследив за ее взглядом, незнакомец смутился:

– Ах, это... ошибки молодости. В юности, на севере, мне их накололи.

«На севере? – вздрогнула Ольга. – Так он сидел? Уголовник?! И с этим уголовником мне придется провести ночь наедине? Да он меня изнасилует, ограбит и убьет. Надо немедленно пойти к проводнице, потребовать перевести меня в другое купе!» Она попыталась встать, но не получилось. Тело было поразительно слабым, а сознание мутилось. Оля откинулась на подушку

– у нее больше не доставало сил сопротивляться сну. Последнее, что она запомнила, было то, как «опасный мужик с севера», приговаривая: «Короче, дело к ночи – будем спать!» – наглухо задраил дверь купе.

«Ну, все! Изнасилует, убьет и выкинет мой труп на железнодорожные пути!» – ахнула Ольга и провалилась в сон.

* * *

В известной песне есть слова: «Без женщин жить нельзя на свете, нет!» Наверное, именно по этой причине оператор Андрей Жданов время от времени «заводил отношения» с представительницами противоположного пола. Однажды он даже был женат на одной прелестной, ветреной актрисе, а в данный период жизни состоял в связи с некой красавицей брюнеткой Соней – девушкой прекрасной во всех отношениях, но обладавшей взрывным темпераментом, прямо-таки взрывным! Причем сначала Жданов считал эту Сонину особенность несомненным достоинством (и у него на то были свои, мужские основания), а затем он стал слегка уставать от Сониного норова (с тобой, Софа, как на вулкане, прямо поджаривает!), и горячий темперамент любовницы стал, скорее, ее недостатком.

В последний месяц они отчаянно ссорились. Соня скандалила по поводу и без, перебила в квартире Жданова всю посуду, потом переключилась на зеркала, подожгла занавеску, облила средством для чистки унитазов парадный костюм Андрея и, наконец, учинив в ждановской квартире тотальный хаос, решила от него уйти. Гордо и навсегда. Она заявила, что с нее хватит: они с Андреем вместе полгода, а он при этом сам по себе. Выстроил между ними демаркационную линию – пограничную стену, через которую никому ни в коем случае нельзя переходить, и охраняет свою территорию, не дай бог, кто покусится на его свободу и независимость! И сколько она ни пыталась приручить этого дикого оператора – ни-че-го не вышло.

В то утро он сообщил ей, что через несколько дней уезжает в очередную командировку – снимать новое гениальное кино! И Соня взорвалась: а для нее нет места в его жизни, и зачем тогда она теряет с ним время?!

...Жданов никак не мог привыкнуть к Сониным истерикам. Вот сейчас что он такого сказал?! Ну сообщил ей, что уезжает на съемки (правда, третьи за последний месяц), ну набылся, когда она стала задавать дурацкие вопросы из разряда «давай, поженимся», да вот, собственно, и все. А бешеная Соня вдруг взвилась, метнула в стену чашку с кофе и заявила, что не хочет его больше видеть.

Она выбежала из квартиры на лестничную площадку и поорала там, потом вернулась в квартиру, чтобы опять сообщить, что она не хочет его видеть, затем сделала новый забег в подъезд, чтобы решительно все узнали, какой Жданов – гад (причем от ее ора срабатывали даже автомобильные сигнализации).

Андрей хмуро наблюдал этот дурной театр. Полгода прожили вместе, а вот не сложилось, нет. Ему опять хотелось сбежать, вот прямо сейчас; взять свою камеру и рвануть на край земли. И когда Соня вернулась, он так и сделал, взял камеру и ушел. Поехал на студию монтировать фильм.

Вернувшись домой вечером, Андрей обнаружил квартиру пустой. Соня вывезла свои вещи и даже прихватила с собой что-то из его мебели и техники (Жданов благородно сделал вид, что ничего не заметил). В опустевшей квартире стояла абсолютная тишина. Что ж, все к лучшему!

– Проживем без баб, да, Хмыряга? – улыбнулся Жданов. Однако Хмыряга на зов хозяина не отозвался.

...Хмырягу, вообще-то, завела Соня. Полгода назад, когда они только начали жить вместе, любовница подкатила к Жданову с оригинальным предложением: «Милый, давай заведем

ребенка?!» Жданов в тот момент брился и, услышав Сонины слова, едва не зарезал себя бритвой. Заметив его реакцию (ну что ты так испугался?), она тут же поправилась: ладно-ладно, потренируемся на кошках! Для начала заведем кота?! Не терпевший никакой живности, Жданов замахал руками: пожалуйста, никаких зверей! Как будто она его послушала! На следующий же день Соня приперла кота – серого, нескладного кошачьего подростка и назвала его Мурзиком. А Жданов стал называть кошачьего приبلуду – Хмырягой. За год на ждановских харчах кот раздобыл, стал большим и вальяжным. Присутствия Хмыряги в доме Жданов не замечал и жизнью кота не интересовался, однако в этот вечер почему-то о нем вспомнил...

Андрей еще несколько раз позвал кота и понял, что в квартире его нет. Неужели Соня забрала с собой? Жданов не выдержал и позвонил Соне.

– Что нужно? – со стоном ответила девушка. Судя по голосу, она была готова к любым военным действиям.

– Ты забрала кота? – нарочито спокойно спросил Жданов.

– Ты звонишь только за этим? – насквозь разочарованным тоном прошипела она. – Иди ты к черту, Жданов, вместе со своим котом!

– Так брала – нет? – не выдержал Жданов, срываясь на повышенные интонации, но Соня уже отсоединилась.

Впрочем, ему стало ясно, что кота она не забирала. Значит, он где-то здесь... А может, выскочил в подъезд, когда Соня выбегала туда поорать?

Жданов вышел в подъезд и, проклиная все на свете (к черту котов! к черту любовниц!), стал орать «кис-кис». Однако на его «кис-кис» вместо Хмыряги отозвалось другое существо – придурочная актриса с верхнего этажа. Она спустилась к нему на площадку: здравствуйте! Жданова аж повело: ну тебе-то что нужно? И как человек прямой, он не сдержался, так и спросил:

– Что вам?

Актриса смутилась.

– Меня просили передать вам ключи... – И она протянула ему связку ключей от его квартиры.

* * *

Пробуждение нельзя было назвать приятным – ломота в висках, сухость в горле. Ольга с трудом разлепила глаза и застонала: «Где я?»

– Вы в поезде! Доброе утро! – раздался мужской голос.

А, этот! «Мужик с севера» сидел за столом и пил чай. Ольга прокрутила в голове события вчерашнего вечера; пленка воспоминаний обрывалась на том фрагменте, когда она «уплыла» в сон, а сосед-уголовник закрыл дверь купе. Дальше – провал. Оля ничего не помнила. Она с подозрением уставилась на мужика: ну, что было этой ночью?! Может, он ею овладел, а она хм... и не заметила? Но попутчик спокойно прихлебывал чай, ничем не выказывая своей вины; он даже доброжелательно поинтересовался, не хочет ли Ольга чая. «Или вот еще булочки, извольте!» Оля брезгливо посмотрела на румяные, присыпанные сахаром булки, лежащие на столе (для тех изящных людей, кто уж совсем махнул на себя рукой), и покачала головой: не хочу. Единственное, что ее сейчас интересовало, – так это события прошлой ночи. Но ведь не станешь спрашивать мужика: у нас с вами что-то было этой ночью?!

В конце концов, понаблюдав за попутчиком, Ольга пришла к выводу, что ничего «такого» не было, уж больно спокойным выглядел ее сосед по купе. Напившись чаю, он принялся искать что-то в своем саквояже и среди прочего извлек из него то ли женскую, то ли детскую сумку в виде таксы. Сумка была исключительно дурацкая – непонятно даже, кто бы такую мог носить. Заметив удивленный Ольгин взгляд, попутчик пояснил, что эту сумку он купил в Москве, в

магазине необычных вещей, и везет дочке в подарок на Новый год. Оля сухо кивнула: нормально, может статься, ваш весьма «необычный подарок» дочке и понравится, как знать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.